

Глава 32

У Гуай-цзая только глаза были как у Чжао-гэра — большие и ясные, в остальном же — ни малейшего сходства.

У Чжао-гэра от этого наблюдения невольно екнуло сердце.

— И на кого же, по-твоему, он похож?

— Да кто его знает! — Фан Цзычэнь покачал головой. — Но лицо кажется на диво знакомым.

Черты лица у малыша были на редкость правильными. Если он уродился таким красавцем, значит, и тот скот, что обесчестил Чжао-гэра, внешне был недурен собой.

Фан Цзычэнь не хотел больше беречь эту рану, а потому перевел разговор на события на пристани. О делах с «Башней Пьяной Ночи» он пока помалкивал — всё еще вилами по воде писано, — лишь обмолвился, что работа на погрузке закончилась и, скорее всего, придется искать что-то новое.

— Не хочу я в солдаты, — глухо проговорил он.

Махать мечом и убивать для него, человека из современного мира, было делом совершенно невыносимым.

Чжао-гэр ответил:

— У нас набор в армию проводят раз в три года. В марте этого года как раз был призыв. Если мы сейчас подкупим денег, то со временем сможем откупиться.

Юноша немного помолчал, а затем шепотом поведал супругу о том, что в следующем году набор могут объявить снова, и строго-настрого наказал никому об этом не болтать.

Чжао-гэр кивнул:

— Я понимаю.

В его голосе слышалась тревога.

— Муженек, и что же нам тогда делать?

В их доме двое мужчин, а значит, одного точно заберут. Чтобы не идти, нужно заплатить, но за одного человека требуют девять лан серебра — сумма для их нищего хозяйства неподъемная. Откуда такие деньги?

Пока что действовал принцип добровольности: не хочешь служить — плати. Но если на границе война затянется лет на десять и людей станет не хватать, власти могут ввести обязательный призыв. И что тогда?

Фан Цзычэнь еще плохо ориентировался в законах этого времени, а потому спросил:

— У тебя есть мысли на этот счет?

В темноте на мгновение воцарилась тишина. Спустя минуту Чжао-гэр негромко произнес:

— Можно сдать экзамены.

— Хм?

— Если получить ученый титул, можно освободиться от трудовой повинности и налогов, — пояснил супруг.

Фан Цзычэнь приподнялся на локте, глядя на него в призрачном лунном свете:

— То есть мне нужно взяться за книги?

— Угу.

— Но если я засяду за учебу, кто будет кормить семью?

— Я буду, — отрезал Чжао-гэр. Голос его звучал твердо, без тени сомнения. — Я прокормлю нас всех.

Фан Цзычэнь невольно усмехнулся:

— И как же? Снова пойдешь к жадной тётушке Хэ батат копать?

— Буду стирать одежду на заказ, — тот лихорадочно перебирал варианты. — Могу хворост рубить, могу дикие овощи на рынке продавать, еще могу...

— Тише, тише, — рассмеялся мужчина. — Сколько ты там за ту стирку выручишь? Да и

посмотри на себя — худющий какой! Хворост он рубить собрался... Скорее уж хворост тебя переломит.

Чжао-гэр даже немного обиделся:

— Я справлюсь! В семье Ма я часто ходил за дровами.

Для убедительности он поднял два пальца и добавил:

— Я за раз могу две огромные вязанки притащить.

— Ладно-ладно, верю, что ты у меня герой, — он не стал спорить. — Посмотрим по обстоятельствам. А если совсем прижмет — сяду тебе на шею, буду твоим красавчиком-содержантом.

Чжао-гэр мгновенно вспыхнул:

— Вечно ты чепуху порешь...

Семейство Ма просидело в страхе добрую половину дня, но, видя, что Фан Цзычэнь не спешит заявляться за расправой, решило: буря миновала.

На следующий день, стоило Ма Эрчжу и госпоже Ли уйти в поле, Ма Сяошунь пулей выскочил из дома. Мальчишка он был рослый и крепкий, настоящий заводила. Раньше он верховодил всей местной детворой, но из-за его замашек многие перестали с ним водиться. Теперь в его «свите» осталось лишь трое-четверо оболтусов — таких же невоспитанных и наглых, как он сам.

Деревенские ребяташки обычно делились на группки. Последние несколько дней Сяошунь воевал со своим заклятым врагом Лю Дали. Они затеяли спор: чья команда вылепит из грязи самый большой и красивый дом. Судьями должны были стать остальные дети, а проигравшему полагалось во всеуслышание назвать победителя «дедушкой».

Чтобы победить, сорванец стер ладони в кровь, замешивая грязь. Чтобы стены были гладкими, он был готов едва ли не языком их вылизывать. После трех дней тяжких трудов огромный дом был почти готов. Сегодня оставалось только слепить ограду и обустроить просторный двор — и победа в кармане.

У Лю Дали дела шли неважно: дом вышел корявым, окна — вкривь и вкось, а стены — сплошные комки. Победа была предрешена.

Ма Сяошунь сиял от гордости. Пока они с товарищами увлеченно трудились над оградой, кто-то из мальчишек крикнул:

— Ма-лаода, Гуай-цзай идет!

— Ну идет и идет, — небрежно бросил заводила.

— Да нет же! Он с отцом пришел!

Мальчишка подпрыгнул как ужаленный, его шея словно окаменела, когда он медленно обернулся.

Гуай-цзай восседал на плечах Фан Цзычэня, его лицо покраснелось от восторга. Маленький пальчик ткнул в сторону обидчика:

— Отец, это фе он!

Ма Сяошунь бросился было наутек, но мужчина, придерживая сына, в два счета настиг его и цепко схватил за воротник.

— Убежать вздумал?

Ма Сяошунь от ужаса зашелся в плаче. Его дружки сжались в комок, боясь даже вздохнуть. Группа Лю Дали замерла в оцепенении: Фан Цзычэнь казался им невероятно крутым. Ма Сяошунь — такой верзила, а Фан Цзычэнь вздернул его одной рукой, точно забитого цыпленка.

Мальчишка отчаянно брыкался. Фан Цзычэнь опустил его на землю — не слишком грубо, так что тот даже не упал, — и рявкнул:

— А ну замолчи! Будешь реветь — все зубы вышибу.

Обидчик тут же смолк. Желтая нитка соплей вот-вот готова была капнуть в рот, но он шумно втянул воздух, и «желтый червяк» скрылся в ноздре.

Фан Цзычэнь лишь молча взирал на эту картину.

«...»

У него едва завтрак обратно не попросился.

Оглядевшись, он заметил, что дети все в грязи, а на обочине поля возвышаются два «строения». На одно и смотреть было тошно, а вот другое вышло весьма недурным — ладное, крепкое. Сразу видно: чтобы добиться такой гладкости стен из обычной жижи, пришлось попотеть.

Деревенская детвора больше всего на свете любила играть в «дочки-матери» и лепить из грязи. Фан Цзычэнь, прекрасно всё понимая, прикинулся неосведомленным:

— И чем это вы тут заняты?

Лю Дали, не боясь взрослого, ответил:

— Дядя, мы дома строим.

Он в красках расписал их спор. Юноша подошел к творению Сяошуня и легонько подтолкнул его носком сапога.

Ма Сяошунь напрягся всем телом, слезы снова задрожали на ресницах.

— Гуай-цзай, смотри, как отец за тебя отомстит.

С этими словами Фан Цзычэнь резко выпрямил ногу. Тот самый дом, над которым Ма Сяошунь корпел три дня, в один миг взмыл в воздух и с гулким шлепком разлетелся на куски.

Для ребенка нет наказания горше, чем разрушенная мечта. Иногда фраза «иди делай уроки» или «я выбросил твоего робота» бьет сильнее любой порки. Фан Цзычэнь знал: бить змею нужно точно в сердце.

Ма Сяошунь взвыл во весь голос. Его труды были растоптаны, и его «соратники» тоже принялись всхлипывать за компанию.

Гуай-цзай радостно захлопал в ладоши, его ножки в воздухе так и заплясали:

— Отец нихаче! Отец са-амый нихаче!

<http://bllate.org/book/15357/1422675>